

Krivosos, Vladislav Šajevič

К проблеме онтологии границы в "Раковом корпусе" А. И. Солженицына

Opera Slavica. 2019, vol. 29, iss. 1, pp. 15-24

ISSN 1211-7676 (print); ISSN 2336-4459 (online)

Stable URL (DOI): <https://doi.org/10.5817/OS2019-1-2>

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/141218>

Access Date: 16. 02. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

К проблеме онтологии границы в «Раковом корпусе» А. И. Солженицына

To the Problem of the Ontology of the Border in “The Cancer Ward” by A. I. Solzhenitsyn

Владислав Шаевич Кривонос

(Самара, Россия)

Абстракт:

В статье рассматриваются особенности онтологии границы в «Раковом корпусе» А. И. Солженицына. Автор изучает личные миры персонажей и экзистенциально значимые миры жизни и смерти. Особое внимание уделяется формам и знаковым функциям границы, которая связывает разные миры и играет в повести важную роль. Автор стремится выявить существенные для онтологии границы символические смыслы и значения. Задача, которая поставлена в статье, определила ее композиционную логику. Сначала рассматривается роль порога как формы пространства и его онтологическая символика. Далее автор анализирует сон персонажа, в котором происходит символический переход в «тот мир», где он встречается с умершими. Затем показана роль встречи персонажа с книгой, изменяющей его понимание жизни и смерти.

Ключевые слова:

Солженицын; мир; пространство; граница; онтология

Abstract:

The article discusses the features of the ontology of the border in A. I. Solzhenitsyn's “The Cancer Ward”. The author studies the personal worlds of the characters and the existentially significant worlds of life and death. Special attention is paid to the forms and symbolic functions of the border which connects different worlds and plays an

important role in the story. The author seeks to identify the symbolic meanings that are significant for the ontology of the space. The task which is posed in the article defined its compositional logic. First, the role of the threshold as a form of space and its ontological symbolism are considered. Next, the author analyzes the character's dream in which there is a symbolic transition to "that world". Then the role of the character's meeting with the book changing his understanding of life and death is shown.

Key words:

Solzhenitsyn; world; space; boundary; ontology

В «Раковом корпусе» особая роль принадлежит образу границы, соединяющей и разделяющей разные миры. Изучая различные формы и знаковые функции границы, необходимо помнить о свойственной произведениям А. И. Солженицына онтологической символике и учитывать при анализе, что реальность он вообще воспринимает «онтологически»¹. Отсюда акцент в предлагаемой статье, в которой (с учетом ограниченного объема) рассматриваются только несколько эпизодов повести, на онтологии границы, на выявлении существенных для ее понимания символических смыслов и значений.

Уже в самом начале повествования возникает образ порога как формы символической границы. Павел Николаевич Русанов, на которого неожиданно налетела «болезнь, непредусмотренная, неподготовленная», вынужден лечь в клинику «на общих основаниях», где всё увиденное им сразу его неприятно поразило, а вопли кричавшего от боли парня, лежавшего в вестибюле на скамейке, «... так задела, будто парень кричал не о себе, а о нём». Привычно перешагивавший в жизни через любые пороги ради достижения цели, персонаж солженицынской повести поставлен в ситуацию, когда переступить порог неимоверно трудно и страшно, почему он и просит жену: «Я здесь умру. Не надо. Вернёмся»².

Состояние, переживаемое персонажем, оказавшемся в промежутке между жизнью и смертью, выражает существо порога как промежуточного пространства³, чреватого непредсказуемым по своим последствиям и потому

1 SPIVAKOVSKIJ, P. Je.: *Fenomen A. I. Solženicyna: novyj vzgljad*. Moskva: INION RAN, 1998, s. 28.

2 SOLŽENICYN, A. I.: *Rakovyj korpus*. Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1990, s. 4.

3 См.: RYMAR', N.: *Poëtika granicy v literature: Èstetičeskije i poëtologičeskije problemy granicy kak fenomena chudožestvennogo jazyka*. Siedlce: Wydawnictwo IKR[i]BL, 2016, s. 198.

опасным пересечением не только физической, но и символической границы; самое нахождение на пороге означает символическую смерть человека, меняющего определенный статус на другой, никакой определенности в себе не заключающий. Но порог, будучи особой разновидностью и особой формой границы, как раз и наделен именно такой неопределенной семантикой⁴.

За больничным порогом, как представляется Русанову, остается «прежняя жизнь», которая будто «захлопнулась» для него, стоило ему очутиться в палате, где от ожидавшей его здесь «мерзкой» жизни «ещё жутче стало, чем от самой опухоли»⁵. Уже «переходя порог» палаты, он ощутил мучительный для него «влажно-спёртый смешанный, отчасти лекарственный запах»⁶. Переступив больничный порог и следом порог палаты, Русанов, «заслуженный человек, очень ценный работник»⁷, как объясняет его жена старшей сестре, попадает в чужое для него общество «случайных людей», раковых больных, тогда как у него, в чем он пытается себя уверить, «вообще не рак»⁸.

В «Раковом корпусе» порог скорее разъединяет, чем соединяет миры, лежащие по разные его стороны; при этом персонаж, переступивший порог, подобно «пороговым людям» в обряде перехода, сначала оказывается «ни здесь ни там»⁹, то есть вообще лишенным статуса, прежде чем утраченный им статус сменится на новый: «В несколько часов Русанов как потерял всё положение своё, заслуги, планы на будущее — и стал семью десятками килограммов тёплого белого тела, не знающего своего завтра»¹⁰. Его жизнь, такая, по его самоощущению, «счастливая» и «такая полезная», теперь, как ему казалось, что вызывало чувство жалости к себе, «была на обрыве»¹¹.

Солженицынский персонаж вынужден пережить неизбежное в его случае изменение статуса и осознать свое нынешнее состояние, которое и будет теперь определять его новое представление о себе. При этом выявляется и обнажается экзистенциальное значение порога, разделившего пространство на свое и чужое, причем разделившего внезапно и, возможно, необратимо. Русанов скоро обнаруживает, что «... налаженная жизнь, безупречная квартира — всё это за несколько дней отделилось от него и оказалось по ту сторону опухоли» и что

4 Там же, с. 199.

5 SOLŽENICYN, A. I.: *Rakovyj korpus*. Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1990, s. 10.

6 Там же, с. 9.

7 Там же, с. 7.

8 Там же, с. 10.

9 TÈRNER, V.: *Simvol i ritual*. Moskva: Nauka, 1983, s. 169.

10 SOLŽENICYN, A. I.: *Rakovyj korpus*. Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1990, s. 11.

11 Там же, с. 23.

«по эту сторону оставался он один»¹². И что в чужом пространстве ему одному предстоит пройти ожидающее его испытание болезнью, которая «заслонила весь мир»¹³. Вопрос в том, есть ли и скрыт ли в персонаже тот возможный человек, который способен это испытание с достоинством выдержать.

Испытание болезнью совпало в истории Русанова с переменами в стране, о которых он узнает из свежей газеты и которые страшат его не меньше, чем болезнь. Ему снится сон, будто он ползет «...какой-то бетонной трубой не трубой, а тоннелем, что ли», желая «выползти из этого прохода», который все «не кончался»¹⁴. Переход в сновидческую действительность вызван уколom, погрузившим его в состояние сонного бреда, мешающегося с явью. Он слышит команду «ползти вбок» и «заворачивать вправо», а затем, когда команды кончились, сам придумал, как можно выбраться, и вылез «через дыру»¹⁵.

Сон Русанова имеет свой особый сюжет. Речь идет о воплощенном в его сновидении сюжете путешествия на «тот свет», который, как предопределяет сказочная традиция, «не знаменует конца жизни», но предстает как «продолжение земного существования и рисуется жизненными чертами...»¹⁶. Подобно герою сказки, он попадает на «тот свет» через подземный ход, аналогом которого служит труба, передвигаясь в полной темноте, что естественно «при спускании вглубь земли, затем уже опять свет и жизнь»¹⁷.

По внешним приметам эта жизнь как будто ничем не отличается от привычной Русанову: перед ним возникает картина «какого-то строительства», встречаются рабочие, «все незнакомые, молодые»¹⁸. Однако попадает он именно на «тот свет», который напоминает этот и похож на него; отличие в том, что населяют его, как и в сказке, где «тот свет» понимается «как мир загробный», *умершие*, но «его можно посещать живому»¹⁹. Если сказочного героя посылают на «тот свет», чтобы испытать присущие ему человеческие качества, то причины посещения Русановым загробного мира ему неизвестны и раскрываются лишь в самом его сне.

Перейдя во сне границу между этим и тем светом, Русанов «оказался на трубе» рядом с девушкой, которая, как он знал, «ждала от него вопроса», где ее

12 Там же, с. 16.

13 Там же, с. 17.

14 Там же, с. 185.

15 Там же, с. 188.

16 JELEONSKAJA, Je. N.: *Skazka, zagovor i koldovstvo v Rossii*. Moskva: Indrik, 1994, s. 43.

17 Там же, с. 44.

18 Там же, с. 188.

19 Там же, с. 47.

мать²⁰. Признав в ней дочь «посаженной за болтовню против Вождя Народов» пресовщицы Груши, он догадался «по волосам и глазам», что «она утопилась», когда он пригрозил ей судом «за неправильную анкету»²¹. Русанова, в жизни которого, казалось бы, все было predetermined обстоятельствами, избавлявшими его от разного рода неприятных неожиданностей, подстерегает во сне встречи с теми, к чьей гибели он причастен, и с самим собой, каким он был в прошлом. Персонаж поставлен в такие условия, когда избежать этих встреч невозможно.

Отделавшись от девушки, он вдруг обнаруживает, что потерял, когда вылезал из трубы, «важную бумагу» (заявление на Ельчанскую, которую потом посадили), и испугался, так как «по нынешним временам» это сулило ему большие «неприятности». Бросившись на поиски и спросив у встретившегося ему сварщика спички, он по ответу парня понял, что тот «только что прочел его бумагу, слово в слово были оттуда». Заметавшись, наконец, увидел ее и «схватил»²². Но следом вдруг появляется Ельчанская, тронувшая его за плечо и «мягко» спросившая, куда он дел ее дочь; сказав про детприёмник, он обернулся «посмотреть на неё, но её не было, совсем не было (да ведь она же и умерла, как она могла быть?), а вместо этого сильно кольнуло в шее, в правой стороне»²³.

Во сне отражаются подавленность и сниженное настроение Русанова, которым владеет чувство тревоги и грозящей ему опасности, обусловленное страхом перед уже происходящими в стране и возможными в будущем переменами. Прошлое и настоящее тесно переплетаются в картине его служебной *карьеры*, где ярко высвечены особо значимые для нее события; именно о них и напоминают ему сновидческие встречи, чреватые для него утратой не только достигнутого положения, но и самоидентификации. Между тем способность чувствовать и переживать (сочувствовать и сопереживать) ограничена пределами его собственного тела; страдая от физической боли, причиняемой болезнью, он и не хочет, и просто не может вспоминать о страданиях, которые по его вине пришлось испытать другим людям, о чьем существовании он как будто давно и прочно забыл.

В штольне, где он лежал, Русанов заметил непонятно откуда взявшийся телефонный аппарат, а из трубки, когда ее снял, услышал обращенное к нему требование зайти в новый «Верховный Суд»; решив защищаться, если его

20 SOLŽENICYN, A. I.: *Rakovyj korpus*. Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1990, s. 186.

21 Там же, с. 187.

22 Там же, с. 188.

23 Там же, с. 189.

будут судить, он продумывает аргументы, которые там «выскажет»²⁴. Но тут вдруг сновидение переносит его во времена молодости, когда только начиналась *служба* и когда ни о каких болезнях он не задумывался, а тем более не задумывался о смерти, ожидавшей его, как и всякого человека, «поскольку все люди смертны», но не «сейчас» и не в скором будущем, а «когда-нибудь»²⁵. Все, что происходит с ним во сне, говорит о выборе зла и службе злу, как бы он себя ни оправдывал ссылками на «такой порядок»²⁶, и о неизбежности смерти, как бы он ни уклонялся от пугавших его разговоров о ней. Встречи же с умершими призваны были побудить его помнить и не забывать, что и он смертен; он должен был переосмыслить и заново оценить свою жизнь с этой точки зрения.

Тяжкая болезнь преследует его и во сне; ему «всё горло жгло», так «пить хотелось», но все графины оказываются пустыми, а на настойчивую просьбу *пить* откликается уже наяву доктор Гангарт; услышав ее голос и открыв глаза, он просит налить из бутылки компот, но при этом косится, чтоб она «чего-нибудь не подсыпала»²⁷. Русанов возвращается с «того света» живым физически, но мертвым духовно; к символическому путешествию в загробный мир и к встречам с умершими он, как выясняется, был внутренне не готов. Сновидческий опыт перехода границы, разделяющей мир живых и мир мертвых, не принес ему нового знания о самом себе. Подозревая врача, стремящегося облегчить его страдания, в намерении отравить его, он, сам не ведая того, демонстрирует, что и после встреч с теми, кто был отправлен по его *заявлению* в тюрьмы и лагеря на верную гибель, остался все таким же, каким и был на самом деле, *злым человеком* (важная для повести тема *злого человека* открыто зазвучит в заключительной главе, когда Костоглотов увидит в зоопарке объявление о жестоком поступке одного из посетителей).

Перед персонажами «Ракового корпуса», оказавшимися в ситуации между жизнью и смертью или ощутившими себя на пороге смерти, если они не склонны к самообману, как Русанов, поверивший, несмотря на «слабость и головные боли», что «лечение идёт хорошо», и знавший «твёрдо, что он теперь не умрёт»²⁸, возникает неразрешимый для них вопрос, как подготовиться к умиранию. Не умея найти ответа, они ищут помощи не у врачей, лечащих их, но о возможном исходе с ними не говоривших, а у соседей

24 Там же, с. 190.

25 Там же, с. 226.

26 Там же, с. 189.

27 Там же, с. 192.

28 Там же, с. 325.

по палатам, так же, как и они, заболевших смертельной болезнью. Так поступает и Ефрем Поддуев, который «ничем никогда не болел» и, чувствуя в себе «силищу», полагал, что ему «ни предела, ни рубежа не поставлено», а потому не сразу поверил, «что у него»²⁹. Когда же сознался, «что у него — рак», то задумался о неизбежном: «Как же это будет? И что надо делать?» Но от соседей ничего нужного для себя услышать не смог: «Всё было переговорено — а всё не то»³⁰.

И иначе, как показано в повести, и быть не могло: всё, что связано со смертью, было за пределом понимания соседей, и людей его поколения, и тех, кто моложе его. Видеть вокруг все годы, что он работал, довелось ему лишь «вполне понятную жизнь», но понятную только до той поры, «... пока не заболели люди раком или другим смертельным»³¹. Вот «старые в их местности на Каме», на которых он смолodu смотрел свысока, что-то такое действительно знали и понимали, почему «готовились потихоньку и загодя» и «принимали смерть спокойно»³². Ему же, как выяснилось, «переход» был «свыше сил», и он «не знал путей этого перехода»³³. И как ни старался придумать, «... ничуть ему не становилось ясней, чем же надо встречать смерть. И уж меньше всего ожидал бы он найти это в какой-нибудь книге»³⁴.

Между тем именно книга содержит в себе ответ на измучивший его вопрос, как бы скептически ни отнесся он поначалу на предложение Костоглотова почитать: «— А зачем — читать? Зачем, как все подохнем скоро?». Но Костоглотов, не очень-то и уговаривая, разве только чтоб Ефрем не досаждал всем своими мрачными предсказаниями, ответил: «— Вот потому и торопись, что скоро подохнем»³⁵. Грубое просторечное слово, проникшее в речь Поддуева, должно было замаскировать открывшийся ему ужас предстоящего перехода, смысл которого был для него непостижим.

В «Раковом корпусе» описываются разные встречи, разные по той роли, которую они играют в судьбе персонажей, но непременно акцентируется их пространственное значение: где и в каком месте произошла встреча, как она связана с биографической историей того или иного персонажа и почему она так важна для него в той ситуации, в какой он оказался. Обычно это встреча с каким-то человеком, которая может привести и к болезненному столкновению,

29 Там же, с. 86.

30 Там же, с. 88.

31 Там же, с. 89.

32 Там же.

33 Там же, с. 87.

34 Там же, с. 189.

35 Там же, с. 13.

но и к сближению; в случае же Поддуева это встреча с книгой, которую он «читал себе и молчал», а она с ним «разговаривала»³⁶.

Читая, добрался он до рассказа «Чем люди живы?»: «До того это название было вылеплено, будто сам же Ефрем его и составил. Топча больничные полы и думая, не назвав, — об этом самом он ведь и думал последние недели: чем люди живы?». И когда «прочёл весь рассказ до конца», то как будто «... что в него вошло и повернуло там»³⁷. Так случается и с героями самого Толстого, который «... обставляет наиболее серьезными катастрофическими обстоятельствами» обнаружение того, что он «считает в человеке коренным и основным»³⁸. В истории Поддуева *катастрофическими обстоятельствами* стала смертельная болезнь, но понадобилась еще и встреча с книгой, чтобы обнаружилось в нем *коренное и основное*. Пересматривая заново, как получалось «по этой чудной книге», свою прежнюю жизнь и свои поступки «с бабами», которых легко добывал и легко бросал, видел он теперь и понимал, что сам «во всём виноват»³⁹.

Как и в истории Поддуева, в рассказе Толстого решающая роль, изменившая жизнь героев, принадлежит встрече. Семен, пожалевший застывшего совсем странника, найденного им зимой у часовни, которого он одел и привел домой, посчитав, что нанес «... на него Бог, а то бы пропасть», укоряет жену, недовольную его поступком: «Утиши ты свое сердце. Грех, Матрена. Помирать будем»⁴⁰. Странник же Матрене, которая его «накормила, напоила, пожалела», говорит: «Спасет вас Господь!»⁴¹. Далее рассказано о женщине, выкормившей и воспитавшей двух сироток, как своих детей, история которых связана с историей странника. Оказался он ангелом, посланным на землю в наказание, что ослушался Бога, и прощенным, когда узнал то, что велено ему было, что «есть в людях любовь», что «не дано людям знать, что для своего тела нужно», что «жив всякий человек не заботой о себе, а любовью»⁴².

Ефрем, обдумывая вопрос, звучавший в названии толстовского рассказа, «... хотел понять — как же ответить правильно»⁴³. Но чтобы открылись ему «строки этой книги», надо было понять и другое, что «самому ему остались

36 Там же, с. 91.

37 Там же, с. 91.

38 SKAFTYMOV, A. P.: *Nravstvennyje iskanija russkich pisatelej*. Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1972, s. 155.

39 SOLŽENICYN, A. I.: *Rakovyj korpus*. Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1990, s. 93.

40 TOLSTOJ, L. N.: *Polnoje sobranije sočinenij: V 90 t. T. 25*. Moskva: GICHL, 1937, s. 13.

41 Там же.

42 Там же, с. 24.

43 ŽENICYN, A. I.: *Rakovyj korpus*. Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1990, s. 95.

считанные дни разобраться в себе самом»⁴⁴. Многое в его собственной жизни перекликалось с теми историями, о которых он прочитал. Выслушав рассказ Костоглотова про самопроизвольное исцеление, когда «опухоль трогается в обратном направлении» и «рассасывается»⁴⁵, Поддуев, «безнадёжно набывчившись» и «что-то своё» имея в виду, прохрипел: «— Для этого надо, наверно... чистую совесть»⁴⁶. И объяснил, почему он не верит в свое исцеление: «— Я — баб много разорил. С детьми бросал... Плакали... У меня не рассосётся»⁴⁷. Ясно ему стало, что жив он был лишь заботой о себе, а не любовью.

И еще вынырнуло вдруг из памяти, как трое заключенных, когда он работал после войны в лагерях, плохо одетых, без рукавиц, копавших траншею под газопровод, просили простить им «последние сантиметры», которые было «не взять», так как «сил нет», а он, глядя сверху, как «падал снег на их лица как неживые», отказал, потому что есть «проект», и услышал: «Ничего. И ты будешь умирать, десятник!» И чем ему было «от этого загородиться» теперь? «Что он понял новое что-то и хотел бы иначе жить? Болезнь этого не слушает, у болезни свой *проект*»⁴⁸. Не осознал он тогда, как осознала Матрена, что *помирать будем*, и не спас его Господь.

Так сложилось, что, читая Толстого, впервые для себя Поддуев «... задумался о смысле жизни, находясь на грани её со смертью»⁴⁹. И все то, что понял он про себя и про свою жизнь, позволило ему выйти из сомнамбулического существования и пробудиться. Перед смертью приоткрылись ему и пути перехода к ней, и смысл человеческой жизни, который высветил для него эти пути.

Отметим в заключение, что автор стремился показать в статье, пусть и на ограниченном материале, значимость проблемы онтологии границы для понимания и интерпретации «Ракового корпуса»; дальнейшее изучение повести под намеченным углом зрения предполагает как расширение привлекаемого материала, так и новые аспекты его рассмотрения.

44 Там же, с. 105.

45 Там же, с. 120.

46 Там же, с. 121.

47 Там же, с. 122.

48 Там же, с. 181.

49 Там же, с. 123.

Литература:

- JELEONSKAJA, Je. N.: *Skazka, zagovor i koldovstvo v Rossii*. Moskva: Indrik, 1994.
- RYMAR', N.: *Poëtika granicy v literature: Èstetičeskije i poëtologičeskije problemy granicy kak fenomena chudožestvennogo jazyka*. Siedlce: Wydawnictwo IKR[i]BL, 2016.
- SKAFTYMOV, A. P.: *Nravstvennyje iskanija russkich pisatelej*. Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1972.
- SPIVAKOVSKIJ, P. Je.: *Fenomen A. I. Solženicyna: novyj vzgljad*. Moskva: INION RAN, 1998.
- SOLŽENICYN, A. I.: *Rakovyj korpus*. Moskva: Chudožestvennaja literatura, 1990.
- TËRNER, V.: *Simvol i ritual*. Moskva: Nauka, 1983.
- TOLSTOJ, L. N.: *Polnoje sobranije sočinenij: V 90 t. T. 25*. Moskva: GICHL, 1937.

About the author

Vladislav Shaevish Krivonos

Samara State University of Social Sciences and Education, Faculty of Filologia, Department of Russian, World Literature and Literature Teaching Methods, Samara, Russian Federation
vkrivonos@gmail.com